

УДК 821.161.1-1

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР АНАТОЛИЯ УСТЬЯНЦЕВА

В. А. Редькин

Тверской государственной университет
*кафедра филологических основ издательского дела и
литературного творчества*

Лирика А. Устьянцева интеллектуальная по своему характеру, имеет опору на поэтические тексты предшественников и использует образы мировой культуры. В его поэтике ощущается влияние постмодернизма. В лучших своих стихах поэт выходит на философский уровень осмысления бытия. Автора более всего волнует мысль о назначении человека на земле, о нелегком поиске своего места в жизни, а значит – и пути к самому себе. Мастерство и профессионализм поэта проявляется в разнообразии строфики, в тонкой инструментовке, в своеобразии топики.

Ключевые слова: *А. Устьянцев, тверская поэзия, постмодернизм, интертекстуальность, философское осмысление бытия, метафора, звукопись*

Анатолий Васильевич Устьянцев родился 18 июня 1951 года в г. Озёры Коломенского района Московской области. Детство и юность провел в г. Хабаровске на Дальнем Востоке. Служил в Советской Армии. Работал в многочисленных геологических экспедициях. В геологоразведочных партиях на Саянах он был дробильщиком в штольне, помощником бурового мастера, конюхом, работал машинистом компрессорных установок на Кубани, проходчиком траншей на Северном Кавказе, бетонщиком, сварщиком, паркетчиком, мастером, мастером производственного обучения в Калининне. Закончил заочно Литературный институт им. А. М. Горького. Более тридцати лет проживает в Твери. Начал публиковаться с 14 лет в газете «Молодой дальневосточник». Потом стихи Устьянцева публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Братина», «Студенческий меридиан», в альманахах «Поэзия», «Истоки», в коллективных сборниках, на страницах центральных и областных газет. А. Устьянцев автор 3 поэтических книг, лауреат литературной премии «Золотое перо» и премии губернатора Тверской области за достижения в области литературы за книгу «До востребования. Сборник стихотворений» (2011).

В творчестве А. Устьянцева проявились лучшие качества таланта современного поэта. Каждое стихотворение является свидетельством глубоких раздумий, имеет особую внутреннюю значимость, выходит на символический уровень осмысления национальной истории, современности и личной биографии. А. Устьянцев – поэт, ориентированный на широкий спектр предшественников – от поэтической классики XIX века до Б. Пастернака, О. Мандельштама и современных постмодернистов. Он лилейно выращивает в своей поэзии зерна добра, сострадания и любви. Для него это высшие нравственные ценности. «К своему сегодняшнему возрасту я больше всего люблю маленьких детей и природу (лес, небо, речку). Остальное – обязаловка

и бытовуха», – признается поэт [6, с. 3]. Впрочем, его высказывания о поэзии не только противоречивы, но и парадоксальны. Ведь получается, что за скобками любви поэта оказываются такие фундаментальные понятия, как Родина, народ, национальная культура. Понятие «традиционный» для него значит «точный», то есть «единственно верный по замыслу. Истинный» [6, с. 4]. А если оригинально и точно выражена ложная, разрушительная идея? Можно ли это считать традицией? Не случайно в духе эпохи декаданса, когда пытались оправдать антихриста и Иуду, когда размышляли над тем, что зло не всегда злое, а добро не всегда доброе, Устьянцев заявляет: «Тьма излучает свет», – не парадокс, так как тьма – это глубины еще не познанного нами. Искусство – это и есть способ такого познания» [6, с. 4]. Конечно, это декларация, а живое творчество, как известно, шире любых деклараций. И все-таки становится интересно, как подобная концепция осуществляется на практике.

А. Устьянцев уже в ранних стихах проявил склонность к философскому осмыслению бытия, где все связано со всем. Поэт ощущает себя центром мироздания, но в то же время он открыт навстречу всем людям и каждому человеку в отдельности: «Мир замкнут на тебе, а ты – на чьей-то боли. // Вот два звена. В цепи – прочнее нет. // Твоя душа – негаснущее поле. // То солнечный над ним, то лунный свет» [8, с. 107]. При этом жизнь с её приливами и отливами, ночной темнотой и белым днем для него едина.

А. Пьянов оценил в первых публикациях Устьянцева его пейзажную лирику: «Радуют, задевают за живое, прежде всего стихи, обращенные к родной природе, которую он хорошо знает (ведь Анатолий Устьянцев – волгарь!) и тонко чувствует её состояния, соотнося их с состоянием души человека. Именно на этой тропе основные удаchi поэтического поиска молодого калининского поэта» [4, с. 62]. Это такие стихи, как «Послушай, как растет трава...», «Вдруг задрожит и зальется...», «Из книги деревьев...», «Предутреннее», «В окне растаял сад...», «Осень», «Деревья» и т. д. Изображение природы здесь не самоценно, а глубоко связано с настроением и осмыслением окружающего мира лирическим героем:

Уже стоят деревья, как костры,
И пелеринки паутинок тают.
И две березы, словно две сестры,
Ко сну готовясь, косы расплетают.
Уже осенний ветер студит мысль,
Расслабленную лета мягкой ленью.
И перевозданно выделенный смысл
Опять отпущен каждому явлению [9, с. 62].

В первой книге стихов, которая вошла в коллективный сборник, Устьянцев отдал дань фольклорно-этнографическому началу в поэзии («Бабкины подзоры», «Переступышек»): «Гасли гусли – // Вспыхивали, // Ноги землю // Вспахивали. // Переступышек старательный // Перенесем мы в горенку, // И там потешим половицы, // Потопаем вволю» [9, с. 42]. Но уже здесь проявились явные симпатии поэта к личности, замкнутой в себе, трагической в своем одиночестве и страдании. Характерна трактовка им образа волка, который, вопреки реальности волчьей стаи, не знает, что такое

хоровое начало, ощущает себя чужим в этом мире. Его песнь устремлена в «логово луны».

Каждая книга стихов А. Устьянцева является своеобразным жанровым образованием. В таком поэтическом сборнике, по словам С. Ю. Николаевой, «присутствует яркий образ автора (лирического героя), выдержано единство тематики и проблематики, реализуется целостный мотивный комплекс, соблюдается определенная последовательность в разворачивании сюжетов и образов, продумана композиция» [3, с. 94].

Устьянцев пытается говорить от имени своего поколения, создавая обобщенный образ ровесника, чья юность пришлась на годы застоя: «Мы пытались взлететь // На неровно подрезанных крыльях, // Но какой там разбег, во дворах, // От стены до стены» [7, с. 8]. Конечно, это образ не всего поколения, а той его небольшой части, которая примыкала к движению диссидентов, притом тех, кто порвал связи с народом, отказался от идей державности и патриотизма. Отсюда неприятие армии: «Все мы вышли, казармы пройдя, // Из огромной шинели, // Долго путаясь в полах», советской символики: «День за днем, отходя от наркоза // Рубиновых звезд» [7, с. 9]. Это потерянное поколение, которое разочаровалось и в советском строе, и в либеральных реформах 90-х годов: «Мы состарились в сорок // И выпали напрочь из века. // Нам уже все равно // Что там за пицца вместо звезды. // Кто парадом командует нынешним» [7, с. 9]. Поэту претит меркантилизм и накопительство («А деньги? Вон они летят...»). Он произносит тост «за здоровье // Тех, с лица не общим выраженьем, // Кто через флажки махнул, не глядя, / И ушел из губительной облавы» [7, с. 33]. Потеряв жизненные ориентиры, поэт приходит к выводу: «Жизнь прекрасна, пока неясна», – и находит один выход «бичевать по стране, // Утопая в вине и вине, // Ради смысла, которого нет» [7, с. 23]. Отсюда и ощущение ничтожности человека перед бесконечным и необозримым космосом: «Только и успею поднять глаза, // Ты мгновенно превратишься в точку» [7, с. 29].

У А. Устьянцева много стихотворений, основанных на фактах личной сложной и, в общем-то, романтической биографии, хотя он и разочарован в романтике освоения новых земель, трудовых подвигов, прокладывания новых трасс и геологических открытий: «Мы хлебнули романтики // Выше сапог на болоте», – признается поэт [7, с. 8]. И все-таки в «Саянском цикле» он отдает должное своей трудовой молодости, «где вкусно работалось, пилось и пелось. // Шатала усталость. // И жить, как ни странно, все время хотелось. // И ночью леталось» [6, с. 75]. Поэт пишет о лесоповале: «Бугор» колючий пот смахнет с губы. // Им надо гнать для родины кубы, – // Деньгу – известно – начисляют с куба» [7, с. 39]. Он передает впечатления от Тувы («Центр Азии. Тува...»), пишет о таежных снах («Мне снился в тайге...»), о работе на буровой («Буровая. Саяны»), тяжелой доле шофера («А на трассе «Кизил – Абакан»). Личные впечатления молодости являются основой его образной системы ряда стихотворений последнего времени, в которых автор стремится осмыслить суть человеческой судьбы в целом:

Форсаж включаю и иду к верховью.
Прищурившись, с насуспенною бровью,
Глядит тайга из-под мохнатых лап.

Иду бомбардировщиком на нерест –
Туда, где край у горизонта перист,
Где память – слово выметать могла б [6, с. 80].

Проблески светлого в памяти мешают поэту представить мир в черном цвете, но избавиться от прошлого он не может: «Это память цепляет за ноги, // Как репей. Но держи, не держи, – // Есть томленье последней дороги // За чертой предпоследней межи» [7, с. 59]. Отрекаясь от героического прошлого своей юности, поэт ставит под сомнение и великое чувство любви к родине. К его чести это дается не просто, через боль и отказ от части собственной души: «По-над родиной, где даже воздух свинцов. // И болело, болело, болело...» [7, с. 64]. Родине он противопоставляет собственную душу: «Ты меня, если сможешь, прости и пойми. // Я тебе предпочел только душу» [7, с. 64]. Но чувство родины – это часть души русского человека. «Есть такие предметы, которые могут быть восприняты, пережиты и приобретены только *любовью* (будь то любовь чистого инстинкта или любовь, прокаленная духом). К таким предметам принадлежит и *родина*. С человеком, у которого нет реального, живого опыта в этой сфере, который никогда не ощущал сердцем, что есть для него родина, трудно было бы даже беседовать на эту тему», – подчеркивал И. Ильин [1, с. 39]. В поэзии Устьянцева есть тема родины, но нет чувства родины. Этого ему не дано. Наша страна представляется местом, «Где целым поколениям завещано // Святое право – околоть на родине» [7, с. 135]. Сильно сказано. Но истинные патриоты И. Ильин, И. Шмелев, И. Бунин, В. Максимов и многие другие мечтали упокоиться именно на родине.

Поэт стремится разорвать пути времени и пространства. В человеке, человеческом сообществе, природе он ищет вечные ценности. Стихотворец устремлен к вечности, даже когда тонко и поэгично рисует картины Верхневолжья: «Меж берегов добра и зла // Она спокойная текла // Из лета прямо в Лету. // В неё смотрелись облака // Легко, совсем не свысока, // Не затеняя света», – передает он свои впечатления от реки Тверцы [6, с. 131].

Немало написано им талантливых, запоминающихся строк о репрессиях 30-х годов. Подавляющим здесь становится чувство ненависти к тем, кто вершил несправедливый суд, «служил на износ» верой и правдой жестокой власти: «Медный звон Колымы и Сучана – // Это сталью колотят о рельс. // Сколько вас ещё живо, сучары! // Сколько их – неоттаявших – здесь» [7, с. 49]. Кремль в поэзии Устьянцева становится символом жестокости и несправедливости. Поэт слышит надсадный хрип «от Соловков до бурых стен Кремля» [7, с. 48], а камень, раздавивший судьбы людей, «не зарыть у кремлевской стены» [7, с. 49]. Но в национальном сознании московский Кремль был и остается символом Российской государственности, а по Владимирке на каторгу гнали и реальных убийц, грабителей и насильников, от которых и сейчас страдает русский народ. Не случайно он требует справедливого суда и возобновления смертной казни.

При чтении стихов Устьянцева не покидает ощущение тенденциозности, повторения в образной форме тех идей, которые упорно навязываются нам средствами массовой информации. Поэту явно не хватает историзма в освещении тех или иных проблем социальной жизни. Слишком

легко он расправляется с великими идеями, которые волновали и привлекали к себе лучшие умы человечества:

На свалке – куча декораций –
Блестящих планов громадьё.
И делят Равенство и Братство
Фанерное житье-питье.
Свободно ботают по фене
Здесь пролетарии всех стран [7, с. 146].

Негативный оттенок приобретает и образ корней – символа национально-исторической преемственности («Корни», «Все возвратится на круги своя...»).

Для многих стихов Устьянцева свойствен трагический пафос. И это понятно. Не принимая тоталитаризм советского времени, отрицая корыстолюбие, бездушие и ложь современной либеральной демократии, он ощущает своё одиночество в мире хаоса, потерю ориентиров в своём движении. Современный человек потерял связь с собственной душой, а значит, и с небом, куда она устремлена:

Она жила, людей не понимая.
И стала людям больше не нужна.
Униженная. Нищая. Немая,
Как свет и воздух, таяла она.
Душа не просит ни угла – ни хлеба,
И зла не возвращает никому.
Она всегда была лишь частью неба
И ныне возвращается к нему [7, с. 60].

«Одиночество – это двое», – утверждает поэт в стихотворении «Орел, сжимающий перья в камень...». Наперсником лирического субъекта провозглашается небо, но и «Небо падает голубое // Камнем с твоей души» [7, с. 68]. Звездное небо ощущается им как «ледяной покой» [7, с. 106]. Звезда полей, воспета В. Соколовым и Н. Рубцовым, как символ духовности России и её освященной свыше судьбы, у Устьянцева предстает в ином облике: «...Незаметно так взошла она: // Звезда полей российских – белена». Выходит, символ России – это галлюциноген и отравка.

Там, где идеология отступает и дает простор сердечному чувству поэта, появляются стихи трогательные и проникновенные. Прежде всего это воспоминания о детстве с точными деталями деревенского быта («Вдоль деревни нашей гонят стадо...», «Синематограф», «Медленная речка...»):

Вдоль деревни нашей гонят стадо.
Пыль клубится. Выходи, встречай!
Тянет по босым ногам прохлады.
«Милый, глянь-ка, не пошел там чай?»
С бабой Ганей вечер коротаем,
Стар да мал, – не скучно нам вдвоём.
Численник она перелистает.
Чай хорош! Сидим, вприкуску пьем.
Шебуршатся мыши под загнеткой,
Дую в блюдец, прямо в желтый цвет.

По стеклу рябина стукнет веткой,
Далеко, как станция, рассвет [7, с. 11].

Пронзительны его стихи, посвященные матери: «Кормила, мыла, пестовала нас, – // Мы улетели в небо журавлями... // И омывались дальними морями // Её морщинки // Возле самых глаз» [7, с. 17]. Проблема веры у Устьянцева на периферии сознания: «Вот, душа, твои проколы: // Пасха, Сретенье, Успенье – // Мимо все!» [7, с. 156], хотя он может и процитировать или вспомнить строки Священного писания, чаще всего воспринятые из вторых рук, от близких людей, с кем ему приходилось тесно общаться: «Вспомнилось забытое давно // «Чай, не хлебом, голубок, единым» [7, с. 16]. Он не принимает не только этот мир, но иной: «Один из них – неизлечимо болен, // Другой патологически здоров» [7, с. 247]. Он скептически относится к миру, «где неба нет, поскольку всюду небо» [7, с. 108]. Рай для него сродни аду: «На последней версте // Мы преломим морозного хлеба, // Доголубим «Клико» // И провалимся к Господу в рай!» [7, с. 152]. Устремленность к небу, где «высоких» нет искусств, воспринимается как болезнь: «Потому и прошел Господь // Аки по суху над пучиной, // Что едины душа и плоть, // Коль от неба неизлечимы» [7, с. 110]. Впрочем, христианская аксиология органично входит в систему ценностей поэта: это сострадание («Из тоннеля выходишь на свет состраданья, // Как измученный жаждой выходит к ручью» [7, с. 18]), честность, свобода. В стихотворении «Жизнь прекрасна, пока неясна...» он выступает против наживы как цели жизни и говорит о чувстве вины.

Своеобразие, а в чем-то и парадоксальность творчества А. Устьянцева состоит в том, что, имея огромный жизненный опыт и массу впечатлений, в большинстве стихотворений он идет не от жизни, а от литературы. Отсюда пронизывающая его стихи интертекстуальность, миницитаты, аллюзии, литературные ассоциации. Так, опираясь на пушкинскую строку «Роняет лес багряный свой убор», он рисует картину лесоповала, противопоставляя своё мировидение восприятию гармонии природы великого классика: «Над вымыслом не плачу с давних пор. // Плачу, как все, разменной монетой, // Лишь иногда в тиши библиотек // Привидится удар, взлетает снег // И кружит, кружит, кружит над планетой» [7, с. 39]. «Нивы сжаты, рощи голы...», «Зима. Крестьянин, торжествуя...» [7, с. 156], «Выхожу один я на балкон...», – так начинает он свои стихотворения [7, с. 196] и включает чужие строки в собственные тексты: «Ощущение женщины – как родины – // Облетало с белых яблонь вишнями» [6, с. 91], «Нивы сжаты. Рощи голы // Вот, душа, твои приколы...» [6, с. 194], «Под голубыми небесами // Прозрачно зеленеет ель» [6, с. 109]. Порой одна цитата накладывается на другую, и все это в сочетании с блатной лексикой вписывается в современный, с точки зрения автора, абсурдный мир: «Да снизойдет на близких благодать // Неведения! Пойду искать по свету // Нет, не покой. И воли не видать // бы этакой... Карету мне! Карету! // И «скорая» сигналил у ворот. // Народ – безмолвствует» [7, с. 195]. «Я пройду по чистой половине // И она знакомо отзовется» [7, с. 15], – пишет Устьянцев, и вспоминаются строки Ю. Кузнецова: «Он прошёл по одной половине // И весь путь она пела ему» [2, с. 87]. Само название последнего сборника Устьянцева «До востребования» с декларацией: «Ни о чем не прошу.

Никого не виною. // Лишь шепчу «До востребования» [6, с. 152], – напоминает известное стихотворение Н. Рыленкова:

Стихи, как письма до востребования,
О них справляются не раз.
Берут их бережно и трепетно,
Читая – не отводят глаз.
Читают вновь и вновь на лестнице,
В тиши и в шуме кутерьмы,
А если письма не востребуются,
Кому пожалуемся мы [5, с. 359]?

Обращается поэт и к прозаическим текстам, то вспоминая героев А. Грина, то роман О. Куваева «Территория».

Использование поэтических текстов классиков с целью их разрушения, создания иронического, а то и ёрнического эффекта часто встречается в поэзии современных постмодернистов. Влияние постмодернизма испытывает и А. Устьянцев. Когда он пишет: «Октябрь уж наступил... // Уж роца отряхает // Пустые стаканы с нагих своих ветвей», – он не просто использует пушкинский стих, но невольно его разрушает. «Я не жажду славы успокойтесь. // Все пройдет, как с белых тапок цвет» [7, с. 161], – опять разрушительный эффект. Искажение текста того или иного классика (Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Некрасова, Есенина и т.д.) становится своеобразным художественным приемом: «Не пей красавица при мне // Ни «Хванчкару», ни «Цинадали» // Напоминают мне оне, // Куда мы Грузию загнали» [6, с. 106].

Вот еще один яркий пример постмодернизма с ёрническим передергиванием фактов, извращением классики и нарочитым диссонансом в конце стихотворения: «Все пропьем, но флот не опозорим! – // Как сказал когда-то Железняк. – // И мы наш, мы новый лепрозорий // Выстроим, в котором будет всяк // Сущий: и чухонец, и татарин, // И калмык, и дуг степей еврей // Повсеместно благами одарен // В каждый пролетарский юбилей» [7, с. 181]. Здесь нельзя говорить о традиции. Скорее это полемика, неприятие эстетического идеала: «Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу. // Только он, видать, не при делах» [7, с. 189]. Использование лермонтовской строки с богоборческим продолжением по сути кощунственно. Поэт часто перефразирует классиков: «Лес полон. Ложи блещут. // Листва в ладони плещет» [11, с. 123], «Луч света в темном царстве // Последний – это нож» [10, с. 110]. Для такой поэзии характерно неуважительное, панибратское отношение к предшественникам: «Вы с Мейерхольдом выпивали, // Наганы грея в кабуре. // "Ура", – сказал Катаев Валя // С одесским фрикативным "ре"» [7, с. 185]. И опять использование интертекстуальности: «Одних уж нет, а тех долечат // В потертых кожанках врачи. // Но ключ из той картавой речи: // «Пога добгаться до картечи!..» // Доныне слышится в ночи». И вывод: «Вы, как один, охолуели» [7, с. 185]. Я разделяю политический пафос этого произведения, но сомнительна форма его воплощения, тем более Горький, которого цитирует автор, сказал: «От хулиганства до фашизма расстояние меньше волоса» [7, с. 185], – отнюдь не об одесситах, а о русских поэтах национальной ориентации. Поэт-постмодернист, как говорится, рази красного словца не пожалеет ни мать родную, ни отца. Для постмодернизма характерно

восприятие жизни как игры, что ярко проявилось в стихотворении А. Устьянцева «Мизансцены жизни...». Классики себя защитить не могут, а вот когда используются строки современного автора, может возникнуть проблема авторского права.

Поэзию Анатолия Устьянцева отличают оригинальные свежие образы. Сравнения и метафоры подчас неожиданны, основаны на ключевом слове, которое применимо к разным сферам жизни: «Выпал снег, как птенец, из гнезда, – // Опоздали ладони. // И вода на пустую щеколду // Закрылась в реке» [7, с. 8], «Сосен басовые струны под пальцами ветра // Мне подыграют, когда запою о своем» [7, с. 30], «Как за спиною камыши, // Ресницы медленно сомкнутся. // И створки легкие души // Навстречу ночи распахнутся» [7, с. 45], «...С птичьим схожа опереньем // Листва по прихоти корней» [7, с. 36], «Картой контурной – стылые ветки, // Словно русла неназванных рек» [7, с. 63], «...Кукушки длинное эхо // В старых ходиках у Творца» [7, с. 65], ручей, «словно младенец, прозрачен и гол» [7, с. 24], «Боже, дай бумаги и отваги» [6, с. 176].

Само поэтическое мышление А. Устьянцева метафорично: «Если память продёрнуть в ушко иглы // И потом вышивать крестом, // А не гладью, дабы сгладить углы» [7, с. 67]. Иногда в образе заключена целая цепочка ассоциаций: «И грибы из тучи вдруг заморосят». Здесь можно вспомнить и грибное лето, и грибной дождь [7, с. 14].

Большое внимание поэт уделяет звуковой организации стиха: «Бесстрастна природа. // Прекрасно бесстрастье её» [7, с. 46], «Кружева крыжовника поблекли» [7, с. 52], «Я живу на третьем этаже // В этом никакого эпатажа, // Просто высота многоэтажек // Откружила голову уже» [7, с. 176], «Грязь, погрязшая в красоте, – // Вот вам вирус Третьего Рима» [6, с. 41]. Это не только ассонансы и аллитерации, а созвучья слов внутри строки: «Травы, травы. // Как будто расправы вы ждете» [7, с. 21].

Своеобразие лексики поэта в том, что он смело включает в поэтический текст современный сленг: *лох, прокол, звезданутое время, кайф, смс-ка, беспредел, уставясь обалдело, дурдом, замануха* и т.д. Но неповторимость художественного языка А. Устьянцева связана не только с использованием просторечий и идиом. Она основана на общем с читателем опыте жизни, определенном культурном слое: одни книги читали, одни песни пели и одни смотрели кинофильмы.

Анатолий Устьянцев создал свой поэтический мир. Это интеллектуальная поэзия. Кому-то этот мир близок, а кто-то захочет поспорить с поэтом. Но что не отнимешь у него – это предельную искренность автора, поэтическое мастерство (разнообразие версификации, тонкую инструментовку, жанровое многообразие, особую роль интертекстуальности), актуальность тематики, проникновенный лиризм, утверждение идеалов свободы личности. Его профессионализм проявляется в разнообразии строфических построений – от двустишия до сонета. В центре внимания поэта проблема внутренней жизни современного человека. Подчас он выходит к философским проблемам жизни и смерти, земной и небесной сути любви. Но все это пропущено сквозь собственный внутренний мир, через свою судьбу:

Как бескрылым добраться до Рая?

Как немым объясниться с судьбой?
Умираю я здесь, умираю,
За три моря до встречи с тобой.
Забываясь в бессвязном повторе,
Отрываюсь, почти что лечу.
– За три моря хочу, за три моря, –
Еле слышно губами шепчу [10, с. 112].

Самые высокие идеалы могут приобрести в поэзии подлинную значимость, если автор обладает чувством образного слова, мелодичного звука, выразительного ритма. Все это присутствует в стихах А. Устьянцева. Сила его таланта не в эстрадной громкости, не в призывах и даже не в необычных образах, а в свежести восприятия. Он находит и утверждает мгновения, ради которых и стоит жить. В его судьбе было немало трудностей, огорчений и даже трагедий. Мироощущение поэта не дает ему душевного комфорта. Автора более всего волнует мысль о назначении человека на земле, о нелегком поиске своего места в жизни, а значит и пути к самому себе. Поэт зовет к размышлениям, рассчитывая на читателя вдумчивого, внимательного, а потому публицистической заостренности слова предпочитает его живописную пластичность. Творчество Устьянцева отвечает запросам нашего времени.

Список литературы

1. Ильин, И. А. Для русских. Избранное [Текст] / И. А. Ильин. – Смоленск : Посох, 1995. – 416 с.
2. Кузнецов, Ю. П. Крестный ход. Стихотворения и поэмы [Текст] / Ю. П. Кузнецов. – М. : СовА, 2006 – 640 с.
3. Николаева, С. Ю. Поэтическая книга как жанр в творчестве Георгия Степанченко [Текст] / С. Ю. Николаева // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2013. – № 4. – Вып. 1. – С. 88–95.
4. Пьянов, А. Самое начало пути [Текст] / А. Пьянов. – М. : Молодая гвардия, 1987. – С. 62.
5. Рыленков, Н. И. Избранная лирика [Текст] / Н. И. Рыленков. – М. : Московский рабочий, 1965. – 386 с.
6. Устьянцев, А. В. До востребования. Сборник стихотворений [Текст] / А. В. Устьянцев. – Тверь : Седьмая буква, 2011. – 200 с.
7. Устьянцев, А. В. Заката красное число. Сборник стихотворений [Текст] / А. В. Устьянцев. – Тверь : Лилия Принт, 2006 – 202 с.
8. Устьянцев, А. В. Стихи [Текст] / А. В. Устьянцев // Волговерховье. Стихи. – Калинин : Московский рабочий, 1984. – С. 107–109.
9. Устьянцев, А. В. Пока люблю – надеюсь [Текст] / А. В. Устьянцев // Стихотворения. – М. : Молодая гвардия, 1987. – С. 35–62.
10. Устьянцев, А. В. Стихи [Текст] / А. В. Устьянцев // Тверь. Литературный альманах. Поэзия, проза, драматургия, критика, публицистика. № 12. – Тверь : Ванчакова линия, 2011. – С. 107–112.
11. Устьянцев, А. В. Стихи [Текст] / А. В. Устьянцев // Тверь. Литературный альманах. Поэзия, проза, драматургия, критика, публицистика. № 13. – Тверь : Ванчакова линия, 2013. – С. 119–126.

THE ART WORLD OF ANATOLIY USTJANTSEV

V. A. Redkin

Tver State University

The department of the philological bases of publishing and literature creativity

Anatoliy Ustjantsev lyrics in its main characters are quite intellectual for such type of poems with using all world best known images. In his poetic there is a lot of postmodern. In his best poems he became to the philosophy level of understanding the life. The author is worry about the topics of the purpose of human being and of the difficult search his place in the living to the way to the very Statement. The poet's mastery and professionalism is shown in variety stanzas, subtle instrumentation and originality of topics.

Key words: *Anatoliy Ustjantsev, Tver's poetry, postmodern, intertextuality, philosophy level of understanding the life, metaphor, sound writing*

Об авторах:

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foidid-red@rambler.ru.